

Евгений Деменок

Хлебников и Бурлюк

О футуризме и футуристах должно быть написано и изучено все до последнего волоска на голове Велимира Хлебникова.

Давид Бурлюк

Отношения Давида Бурлюка и Велимира Хлебникова – тема, достойная большого исследования. Именно Бурлюк первым занялся изучением и систематизацией хлебниковского творчества. Именно он дал Хлебникову денег на издание первой книги; благодаря ему стихи и проза «Председателя земного шара» были опубликованы в журналах и сборниках. Бурлюк с женой Марией Никифоровной несколько лет подряд заботились о быте поэта, обеспечивая его деньгами и даже одеждой. Хлебников подолгу жил у Бурлюков дома – в Петербурге, Чернянке, под Москвой. Список можно продолжить, но лучше дать слово самому Бурлюку. В этой статье я позволю себе сосредоточиться, в основном, на воспоминаниях Давида Бурлюка о Хлебникове, мало известных ранее в силу того, что они были опубликованы только в США.

Корпус литературы о Хлебникове огромен и постоянно пополняется. Если рассматривать только воспоминания, их оставили Юрий Анненков и Николай Асеев, Осип и Лиля Брик, Василий Каменский и Рюрик Ивнев, Алексей Крученых и Валентин Катаев, Михаил Матюшин и Петр Митурич, Владимир Маяковский и Роман Якобсон, и многие, многие другие. Разумеется, свои воспоминания о Велимире Хлебникове оставил и Давид Бурлюк, однако долгое время – до публикации в 1994 году в Санкт-Петербурге

его «Фрагментов из воспоминаний футуриста» – они были недоступны в Советском Союзе, а затем и в России, в Украине. Однако эти фрагменты – далеко не все, что Бурлюк написал о Хлебникове. Интереснейшие воспоминания опубликованы в издававшихся Давидом и Марусей Бурлюк в Америке журналах «Color and Rhyme». За сорок лет, с 1930-го по 1970-й год, было выпущено шестьдесят шесть номеров журнала – на русском и английском языках. Воспоминания о Хлебникове опубликованы в 55-м и 66-м номерах; в 49-м номере опубликована статья Марии Никифоровны Бурлюк «Хлебников в Михалева» из готовившейся к печати книги «Маяковский и современники».

Велимир Хлебников. Фото

Пятьдесят пятый номер журнала «Color and Rhyme», в котором собраны материалы за 1964 и 1965 годы, был выпущен в честь 82-летия Давида Бурлюка. В этом номере Хлебникову посвящены несколько разделов: «Бурлюк и Хлебников в современной Польше. Ян Спивак – его книга о Хлебникове», «В. Хлебников и семья Бурлюк – 1909-1915. Даты дружбы с великим поэтом», а также опубликовано стихотворение Хлебникова о Бурлюке. В 66-м номере «Color and Rhyme», вышедшем в 1970-м году, уже после смерти Давида Давидовича и Марии Никифоровны, опубликована статья Давида Бурлюка «Рисунки Хлебникова, их почерки, почерк его рукописей» и фрагменты воспоминаний Маруси Бурлюк о Хлебникове.

Интересно, что Бурлюк выделяет в отдельную главу воспоминания о Хлебникове как художнике, высоко оценивая эту грань хлебниковского таланта. Интересно и то, что сам Бурлюк считал себя в равной степени и художником, и поэтом.

Николай Бурлюк, Давид Бурлюк, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Георгий Кузьмин
и Сергей Долинский

«У художников глаза зоркие, как у голодных», – заметил однажды Хлебников. Он знал, о чем говорит, – ведь среди художников Виктор Владимирович провел большую часть жизни. Они были ему, пожалуй, даже ближе, чем литераторы. В разные годы Хлебников был близок с Михаилом Матюшиным и Еленой Гуро,

Михаилом Ларионовым и Натальей Гончаровой, Павлом Филоновым, Владимиром Татлиным. Художниками по образованию были и его литературные соратники Алексей Крученых и Владимир Маяковский. Как я уже писал, художницей была его младшая сестра Вера, вышедшая впоследствии замуж за художника Петра Митурича, свидетеля последних дней «Председателя земного шара». Одними из первых художников, с которыми сдружился Хлебников, были Давид и Владимир Бурлюки. Сдружился – и попал под их влияние.

В «Полутораглазом стрельце» Бенедикта Лившица есть интересный эпизод – о том, как Хлебников взял в руки кисть, будучи в гостях у Бурлюков, в Чернянке:

«Необычайная плодовитость обоих братьев невольно порождала мысль о легкости искусства живописи вообще. Не в этом ли следует искать причину того странного явления, что все более или менее близко соприкасавшиеся с Бурлюками испытывали неодолимое искушение взять в свои руки кисть? О членах их семьи я уже не говорю: за исключением отца и младшей сестры, Марианны, все отдали дань заразе.

Хлебников, гостивший в Чернянке за полгода до меня, также не избежал общей участи. Впрочем, о нем следовало бы выразиться иначе, так как он проявил себя настоящим живописцем. Давид показывал мне женский портрет маслом его работы: это было вне школы, вне направлений, но дилетантизмом и не пахло».

Самые известные портреты относятся к первой декаде прошлого века. Это портрет сестры Веры. Портрет Алексея Крученых, выполненный в 1913 году – в пору наибольшего их сближения, тогда ими совместно была издана поэма «Игра в аду». Портреты Владимира Татлина, Владимира Маяковского, Петра Митурича. И, конечно же, два знаменитых автопортрета 1909 и 1922 годов.

Часто параллельно с графическими портретами Хлебников создавал и литературные портреты. Вот, например, стихотворение «Алеше Крученых»:

Игра в аду и труд в раю –
Хорошеуки первые уроки.

Помнишь, мы вместе
Грызли, как мыши,
Непрозрачное время –
Сим победиши!

Еще одно стихотворение, посвященное Крученых, Хлебников написал в 1921 году, почти одновременно со стихотворением «Бурлюк».

Лондонский маленький призрак.
Мальчишка в 30 лет, в воротничках,
Острый, задорный и юркий,
Бледного жителя серых камней
Прилепил к сибирскому зову на «чоных».
Ловко ты ловишь мысли чужие,
Чтоб довести до конца, до самоубийства.
Лицо англиза крепостного
Счетоводных книг,
Усталого от книги.
Юркий издатель позорящих писем,
Небритый, небрежный, коварный,
Но девичьи глаза.
Порою нежности полный.
Сплетник большой и проказа,
Выгоды личной любитель.
Вы очаровательный писатель –
Бурлюка отрицательный двойник.

«Бурлюка отрицательный двойник»... Хлебников писал эти строки спустя несколько лет после их последней с Бурлюком встречи...

Кстати, познакомил Крученых с Хлебниковым именно Бурлюк. Вот что пишет сам Крученых: «С Хлебниковым меня познакомил Давид Бурлюк в начале 1912 года в Москве на каком-то диспуте или на выставке. Хлебников быстро сунул мне руку. Бурлюка в это время отозвали, мы остались вдвоем. Я мельком оглядел Хлебникова. Тогда ему было

27 лет. Поражали: высокий рост, манера сутулиться, большой лоб, взъерошенные волосы».

В 1910 году Хлебников создал два знаменитых портрета Владимира Татлина – графический и стихотворный. Этот портрет Татлина неуловимо похож на первый, знаменитый автопортрет Хлебникова 1909 года.

Бурлюк, немедленно распознавший и высоко ценивший талант – хотя вернее было бы сказать таланты – Велимира Хлебникова, не мог не обратить внимания на изобразительный дар поэта. Уже уехав в Америку, он неоднократно записывал свои воспоминания о встречах с Хлебниковым, и в том числе – о его опытах графика и живописца.

7 октября 1938 года жена Бурлюка Мария Никифоровна переписала в свой дневник, опубликованный в вышедшем уже после смерти Давида и Маруси Бурлюк 66-м номере журнала «Color and Rhyme» (1967-1970) статью Давида Давидовича «Рисунки Хлебникова, их почерки, почерк его рукописей». Вот фрагменты из нее:

«В 1910 году на углу Невского и Александровского сада в Питере я организовал первую выставку: «Рисунков русских писателей». Я посетил Венгерова, достал у него рисунки Пушкина, Лермонтова. Там были представлены мной манускрипты и картины Андреева, Городецкого, Шаляпина (очень хорошие), Хлебникова, Васи Каменского, блиставшего своими расчудесными стихо-картинами, Николая Ивановича Кульбина, имевшего генеральские эполеты и связи с критиками. Кульбин написал и предисловие к каталогу, в котором звучала такая фраза: «Письма от писателя мы ждем, как прихода лучшего друга».

Рисунки Хлебникова всегда представляли для меня больший интерес, чем его опыты с красками».

И далее:

«Каждый пишущий повторяет в своем рисунке (рукописи) линии своего тела, контуры лица, фигуры. Результат – движения. Анализируя (размеры углов и дуг), фото авторов и их рисунки, можно доказать их идентичность, равенство, сходство.

<...> В рисунках Вити Хлебникова, в чертах, оставленных на бумаге его рукой, – вещий трепет лучей рассвета.

Владимир Бурлюк. Портрет Велимира Хлебникова из сборника «Творения». 1914

Изломы грозových зарниц – ломавших небо эпохи катаклизма величайшей станции мировой истории, предвестником которой он был и выразителем коей успел частично стать, несмотря на то, что явился в жизни человеком без практического смысла, большим ребенком.

Человеком-загадкой-идеалистом.

Человеком-легендой.

Дети рисуют всегда. Детские глаза связаны с карандашом.

Хлебников обладал впечатлительностью ребенка. Он не мог не рисовать.

<...> Стихи Хлебникова были его рисованием, оттисками офорта. Хлебников писал пером, как иглой скреб медную

доску, писал чертежными перьями.

Хлебников был миниатюристом в графических трудах своих, рукописи надо рассматривать (как) рисунки графического произведения.

У Хлебникова была странность – уместить всю поэму, весь эскиз стихотворения на одном зрительном поле листа бумаги. Часто поэма и варианты, и добавления перерастали бумажное поле, и тогда строки текста испуганным, торопливым стадом жались одна к другой и пытались идти чехардой творческого писания в два этажа.

Тот, кто изучал Хлебникова рукописи (я был первым исследователем, их переписчиком и издателем), знают их замысловатую перегруженность, наслоение строк одна на другую хлебниковского текста – трудно предвидеть разрешение творческого «анализа» наследственности».

Знакомство Хлебникова с братьями Бурлюками – Давидом и Николаем, а позже и с Владимиром – произошло в начале 1910 года. Тогда поэт ушел из «Академии стиха», потеряв надежду на публикацию своих произведений в журнале «Аполлон». О том, что уход был бурным, пишет Николай Харджиев: «Это подтверждается и рядом его произведений, написанных в конце 1909 – в начале 1910 годов: стихотворными «сатирами» («Передо мной варился вар...», «Карамора № 2-й») и пьесами «Чертик» и «Маркиза Дзезес», направленными против «Аполлона» и «Академии стиха». Разрыв произошел своевременно. В феврале 1910 года в Петербург вернулся первый «издатель» и друг Хлебникова, Василий Каменский, который познакомил его с Еленой Гуро, М. Матюшиным и братьями Бурлюками. Так состоялась встреча Хлебникова с его литературными соратниками, объявившими его вождем нового течения».

И если, как пишет Бенедикт Лившиц, Хлебников попал под влияние Бурлюка-живописца, то сам Бурлюк немедленно попал под влияние Хлебникова-поэта. Быстро оценив уровень гениальности будущего «Председателя земного шара» и слабую приспособленность его к практической жизни, Бурлюк сразу же после знакомства со всей присущей ему отеческой заботой (вспомним, как шокирован был Лившиц его обращением к нему «деточка» во время их первой встречи) берет поэта под свою опеку. Давид Давидович попросту перевозит Хлебникова к себе.

Осмелюсь заявить, что именно Бурлюк в полной мере открыл Хлебникова миру. После самой первой публикации стихотворения в прозе «Искушение грешника» – оно было напечатано в октябре 1908 года в журнале «Весна» благодаря Василию Каменскому, который служил тогда секретарем редакции, – Хлебникова нигде не печатали. К счастью, вскоре Каменский познакомил Хлебникова с Давидом, Владимиром и Николаем Бурлюками, и последующие публикации Хлебникова стали возможны именно благодаря Давиду Давидовичу – сначала в «Студии импрессионистов» Кульбина, а затем в первом сборнике «Садок судей», вышедшем в 1910 году тиражом в 300 экземпляров на обратной стороне обоев. Именно после «Садка судей» имя Хлебникова стало известным.

Вот что писали о первых публикациях Хлебникова и о своем знакомстве с ним Давид и Маруся Бурлюки в 55-м номере журнала «Color and Rhyme» (1964-1965 год):

«Всего лишь немного более 8 лет (1909-1918) длилось это необычайное знакомство с этим самым необычайным, самым странным – невообразимо странным человеком. Возникло оно в первых числах октября 1909 г. и имело конец – физического контакта 1-го апреля 1918 г.

Приехав в Питер, «столицу на Неве», – в октябре 1909 года – через В.В. Каменского я узнал о Хлебникове. Я приезжал в столицы России с юга (из Чернянки, из Nilea), см. Бен. Лившица – глава (из «Стрельца» изданной нами) для устройства выставок. Выставок картин братьев и сестер Бурлюков. Демонстрирование нового искусства, быть глашатаями которого уже тогда считали мы *нашим долгом* (Будетляне).

<...> О Хлебникове многократно слышал от Васи Каменского; но впервые увидел его у Гуро.

Появился В.В. Хлебников – голодный с горящими, сияющими глазами – он подобно М.Ю. Лермонтову носил в жилах своих часть шотландской крови.

Когда пришла очередь стихов, Хлебников прочел свой «Зверинец». Это чудо русской литературы было первым, что я слышал из его молчаливых – многоречивых загадочных уст.

«Имел он голос шуму вод подобный» (Овидий по Пушкину)... Хлебников – «имел он голос схожий с языком ветров». Невнятный – несущий смыслы издалека, неведомые, новые, чужестранные по новизне своей...

<...> У Гуро – где мы собирались вокруг русского самовара... зародился план выпустить первый сборник будущего русского футуризма – на обоях.

«Пощечина» в 1912 году была в дерюге – на оберточной бумаге. Грубое Простое – протест против мещанского вкуса, против парфюмерного блюда символистов.

Нами неоднократно описывалась первая экскурсия к Хлебникову, жившему за урок у купца, где он учил двух его дочек – 14 и 16 лет, толстых, как булки с косичками...

Окно его комнатухи: вид на сотни крестов Волкова кладбища, район погребения имущих.

«Все кладбище светит тускло
Прошлой жизни скрытнный дом
Жизни прошлой злое русло
Затянувшееся льдом.
Над гробами виснут зыбки
В зыбках реют огоньки
В каждой пяди глин оттиснут
Умудренный взмах руки.
Ветр качает колыбельки
Стоны, скрипы, шорох, всхлип...
Сеет дождик сеет мелкий
в ветки лип».

Эти стихи возникли в уме, идя с моим братом по адресу, данному нам у Гуро Хлебниковым.

Мы прошли кухню, где пахло кашей и борщом с мясом. Хлебников сидел на кровати, железные ножки которойгнулись наподобие стрекозы, готовой под ним прыгнуть в окно, в общество крестов, стоявших там молчаливым строем солдат.

– Витя, – позвал я его. – Мы за тобой. Собирайся, где твои вещи...

Вопрос был трудный.

Велимир Владимирович сконфузился...

Вот... на столе... папиросы... Я уже одет (на нем был сюртук его отца)...

Пальто, шапка – они висели на крюке над кроватью.

– А еще какие вещи?

Мы смотали одеяло, связав его ремешком.

– Да вот рукописи...

Под кроватью виднелась наволочка от подушки, туго набитая бумагами. Туда мы прибавили пачку свежих рукописей, лежавших на столе.

Все готово, можем идти...

– Подожди, что это за лоскут бумаги на полу?

Я наклоняюсь с жестом хозяина, покидающего дом, и кладу бумажку в карман.

Позже это оказалось шедевром новой русской литературы».

Стихотворение, рукопись которого подобрал на полу Бурлюк, знакомо теперь всем – это легендарное «Заклятие смехом»:

Заклятие смехом

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных – смех усмейных смехачей!
О, иссмеяся рассмеяльно, смех надсмеяных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Кстати, хранить рукописи в наволочке Хлебников продолжал и спустя много лет – вспомним эпизод из повести Валентина Катаева «Алмазный мой венец», в которой он называет Хлебникова «будетлянином»: «...во дворе Вхутемаса, куда можно было проникнуть с Мясницкой через длинную темную трубу подворотни, было, кажется, два или три высоких кирпичных нештукатуренных корпуса. В одном из них находились мастерские молодых художников. Здесь же в нетопленной комнате существовал как некое допотопное животное – мамонт! – великий поэт, председатель земного шара, будетлянин, странный гибрид панславизма и Октябрьской революции, писавший гениальные поэмы на малопонятном древнерусском языке, на клочках бумаги, которые без всякого порядка засовывал в наволочку, и если иногда выходил из дома, то нес с собой эту наволочку, набитую стихами, прижимая ее к груди».

Но вернемся к воспоминаниям Давида Бурлюка:

«И вот мы с Володей (брат) перевезли поэта в нашу квартиру на Каменном острове, около женского медицинского института (я лечил там воспаление век).

Витю устроили на кушетку. В тот же вечер я зашел к доктору Кульбину и в последний момент всунул «Смехачей» – в печать в «Студию Импрессионистов» (сборник)».

То есть в «Студии Импрессионистов» стихотворение Хлебникова было опубликовано тоже благодаря Бурлюку.

После этого два года – до выхода инициированного тем же Бурлюком сборника «Пощечина общественному вкусу» – Хлебникова нигде не печатали, считая его творчество «бредом сумасшедшего»; об этом пишет Бенедикт Лившиц: «Однако при всех оговорках, относившихся

главным образом к манифесту (речь идет о знаменитом манифесте «Пощечина общественному вкусу», подписанном Бурлюком, Маяковским, Хлебниковым и Крученых, где они призывали «бросить Пушкина, Толстого и Достоевского с парохода современности». – **Прим. автора**), самый сборник следовало признать боевым хотя бы по одному тому, что ровно половина места в нем была отведена Хлебникову. И какому Хлебникову! После двух с половиной лет вынужденного молчания (ведь ни один журнал не соглашался печатать этот «бред сумасшедшего») Хлебников выступил с такими вещами, как «Конь Пржевальского», «Девий бог», «Памятник», с повестью каменного века «И и Э», с классическими по внутренней завершенности и безупречности формы «Бобэоби», «Крылышка золотописьмом», а в плане теоретическом – с «Образчиком словеншеств в языке» и загадочным лаконическим «Взором на 1917 год», в котором на основании изучения «законов времени» предрекал в семнадцатом году наступление мирового события».

И вновь вернемся к воспоминаниям Бурлюка, опубликованным в 55-м номере журнала «Color and Rhyme», – бесценным

Николай Кульбин. Портрет Велимира Хлебникова. 1913

Есенин, Мариенгоф и Хлебников

свидетельствам эпохи: «Опуская кипучую работу осенью 1909 г. и весной 1910 по выпуску первого «Садка судей» – и весной 1910 организации выставки «Венок»... я устроил в одной из зал особняка на углу Невского и Адмиралтейского сада одновременно с выставкой наших картин – показ автографов русских писателей, от Пушкина начиная; автографы классиков мне дал Венгеров; автографы многих современных знаменитостей, включая таковые Шалапина».

Николай Харджиев в статье «К столетию со дня рождения Д. Бурлюка» пишет о том, что «известно пять выставок «Венок» (первая – в Москве, остальные – в Петербурге). Первую выставку «Венок» («Стефанос») организовал Ларионов в конце декабря 1907 г. (с участием Д. Бурлюка). В другой выставке «Венок», открывшейся в конце марта 1908 г., Д. Бурлюк не участвовал. В конце апреля того же года Н. Кульбин организовал выставку «Современные течения в искусстве», где экспонировались и вещи группы «Венок» (в том числе Д. Бурлюка). В конце марта 1909 г. открылась выставка «Венок-Стефанос», устроенная Д. Бурлюком и А. Лентуловым. И, наконец, 19 марта 1910 г. состоялось открытие выставки, объединившей группы «Треугольник» и «Венок». Устроителем выставки левой группы «Венок» был Д. Бурлюк. Одновременно Д. Бурлюк вместе с возглавлявшим группу эклектиков «Треугольник» Н. Кульбиным организовал «Первую выставку рисунков и автографов русских писателей». Экспонировались рисунки классиков и писателей, и поэтов старшего поколения (Пушкина, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, А. Жемчужникова, Тургенева, Случевского, В. Соловьева, Чехова, М. Горького), поэтов и писателей-символистов (Н. Минского, Л. Андреева, А. Блока, А. Ремизова, В. Мейерхольда, Н. Евреинова, А. Белого, С. Городецкого, М. Кузмина, В. Гофмана, А. Толстого, М. Волошина, В. Иванова), а также В. Хлебникова, которого группа молодых поэтов и художников уже объявила своим вождем».

Давид Бурлюк продолжает:

«На рождественские каникулы я и Володя увезли Витю Хлебникова в деревню к родителям, в Чернянку. Март, апрель мы провели опять в Питере. После закрытия успешной выставки мы снова увезли Витю Хлебникова в Таврию к себе. Жизнь в Чернянке нравилась В.В. Хлебникову. Там была большая семейная библиотека, основание которой положили еще родители... <...> Хлебников был

пожирателем книг. У него была «дурная привычка» – прочитанные страницы – вырывать. <...> Экономка дома рассказывала – когда Хлебников был оставлен с ней на 2 месяца в доме в Чернянке – мы уехали в Питер, матушка с детьми в Херсон, из нас шестерых, еще сестры Надежда и Марьянна – учились в гимназии. Экономка видела в окно Хлебникова со свечой, глубоко за полночь блуждающего по аллеям парка с книжкой в руках. Свечу он держал перед собой. Прочитав страницу, он вырывал ее и бросал на дорожку.

– Странно и необычно было видеть такого чтеца, – говорила экономка.

Я спросил Витю: «Зачем рвешь книги?»

– Раз она прочитана – мне более не нужна.

Обещал – книг не рвать...

Весна 1910 года. Мы трое на Каменноостровском проспекте. Мы купили тюльпаны с длинными стеблями – я, Хлебников, брат Владимир, Каменский вставили цветы в петлицы наших сюртуков – «марш весенний будетлян»...

Мы Будетляне... Лицо его сияет... Он полон будущим. Хлебников стал членом нашей семьи.

В конце мая 1910 года опять Чернянка, Хлебников с нами (его рукописи я перевез с собой из Питера – заранее), он подбадривает нашу работу в живописи своим восхищением. Он стал апологетом современной манеры выражения кистью».

Бурлюк несколько раз вспоминает эпизод с Ларионовым и своим портретом Хлебникова. Вот фрагмент, опубликованный в 66-м номере журнала «Color and Rhyme»:

«В мае-июне 1910 года в Чернянке и в городе Херсоне, где мы имели квартиру, гостил и работал М.Ф. Ларионов, друживший с братом Володей. Я только что закончил портрет маслом с Хлебникова. Портрет был сырой. Хлебников настоял, что он повезет портрет в Астрахань своим родителям, будет держать в руках, в Херсоне его запакует в бумагу.

Подали коляску; франт Ларионов со своими чемоданами занял все места в экипаже, Хлебников, держа свое эффиджи, пристроился сбоку; Ларионов, боясь за свой костюм, рассвирепел, вырвал холст из рук поэта и швырнул картину лицом вниз в абрикосовую пыль таврической земли... Практичный, ловкий в жизни, обо-

ротистый Ларионов терпеть не мог Хлебникова как соседа в жизни. Он возмущал его неприспособленностью. В своих воспоминаниях «Гилея» Бен Лившиц, приехавший на рождественские каникулы в Чернянку в 1911 году, вспоминает, что Хлебников только что уехал – в Астрахань к родителям».

Кстати, во время пребывания в Чернянке сам Ларионов также написал портрет Хлебникова, и он, в отличие от портрета работы Бурлюка, до нас дошел. Этот портрет, где Хлебников изображен читающим книгу, находился ранее в коллекции А.К. Томилиной-Ларионовой, а сейчас находится в коллекции россиянина Петра Авена.

Интересно, что из Чернянки Хлебников поехал в Одессу – в гости к своим родственникам, родной сестре матери Варваре Николаевне Рябчевской и ее детям, Коле и Марии Рябчевским. Вот что писал Давид Бурлюк в июле 1910 года в письме к М.В. Матюшину: «Работаем мы это лето и много, и мало. Все лето почти у нас писал М.Ф. Ларионов. Был Хлебников, сейчас он уехал – Одесса-Люстдорф, дача Вудст'а». По воспоминаниям Марии Николаевны Рябчевской (см. статью Александра Парниса «В Одессе, а это было в Одессе...» в 1-м номере альманаха «Дерибасовская – Ришельевская»), в этом году они жили в доме № 13 по улице Белинского и на даче Вирта в Люстдорфе.

Хлебникова рисовал не только Давид Бурлюк. 11 апреля 1911 года в Санкт-Петербурге открылась 2-я выставка «Союза молодежи», на которой был показан портрет Хлебникова работы Владимира Бурлюка. Нужно отметить, что самого Хлебникова этот портрет несколько озадачил. Вот что писал он в апреле 1911 года в письме к Елене Гуро: «Вы, вероятно, были на выставке, где

Михаил Ларионов. Портрет Велимира Хлебникова

Надежда Бурлюк. Силуэт Велимира
Хлебникова. 1914

царят Бурлюки? Там в виде старого лимона с зелеными пятнами, кажется, изображен и я. В их живописи часто художественное начало отдано в жертву головной выдумке и отчасти растерзано, как лань рысью».

И тем не менее многие сборники Хлебникова иллюстрированы рисунками Владимира Бурлюка – рисунками, которые стали классическими. В «Творениях», изданных Давидом Бурлюком в Херсоне в 1914 году (Бурлюк не просто оплатил издание книги, но полностью подготовил ее к печати), помещен знаменитый портрет Хлебникова работы Владимира Бурлюка. Первая книга – вернее,

брошюра – Хлебникова «Учитель и ученик», изданная в Херсоне в типографии О.Д. Ходушиной, тоже иллюстрирована Владимиром Бурлюком. И даже средняя сестра Бурлюков Надежда нарисовала в 1914 портрет-силуэт Хлебникова. В свою очередь, поэт посвятил ей стихотворения «Где прободают тополя жесь...» (написано в августе 1912 года в Чернянке) и «Утренняя прогулка» (написано ко дню рождения Надежды Бурлюк 13 февраля 1913 года).

Но вернемся к записям Давида Бурлюка:

«Живя летние месяцы в 1910, 11 и 12 годах в деревне, в Таврии и затем в столицах вблизи нас – пользуясь там нашей поддержкой, как член семьи: Маяковский, Каменский, часто Бен Лившиц, – Хлебников продолжал учиться в университете в Питере. Родители его давали деньги на ученье там. Живя с Бурлюками, он мог благополучно справляться со своим «бюджетом». Меня восхищала тихая святость этого монаха литературы. Этот *мозг книги, атом живой слова чудесного*, носителем которого был Хлебников. Зиму 1910-11 – я и Володя учились в Одессе, где

я получил диплом окончания «Одесского худ-училища» с правом быть учителем искусств в средних учебных заведениях. В России – без диплома – заработок денег был немыслим. На каникулы Хлебников был с нами в Чернянке (Гилее, как мы ее звали), все его рукописи хранились там, он имел свою комнату.

В 1910 и 11 годах я, имея в своем распоряжении рукописи Хлебникова – хаос, лабиринт строчек, так как автор пытался иногда всю большую поэму всадить в один лист, – я переписал многие рукописи, оставляя в стороне прозу, требующую при печати много места и расходов, подготовил их к печати и вскоре издал «Творения» Хлебникова в 2-х томах.

Давид Давидович ошибся – он издал только первый том «Творений». Вокруг публикации второго тома разгорелся скандал. Сам Хлебников был против публикации второго тома и даже написал 15 февраля 1914 года открытое письмо-протест, осуждающее издательскую деятельность Давида Бурлюка.

Вот что пишет об этом конфликте Роман Яacobсон:

«Хлебников очень резко относился к изданиям Бурлюка. Он говорил, что «Творения» совершенно испорчены, и он очень возмущался тем, что печатали вещи, которые были совсем не для печати, в частности: Бесконечность – мой горшок, / Вечность – обтиралка. / Я люблю тоску кишок. / Я зову судьбу мочалкой. И он многое исправлял, и в рукописях, и в печатных текстах. Он был против хронологии Бурлюка, которая была фантастической, но это его не так трогало – его трогали главным образом тексты и разъединение кусков».

Однако, прочитав записи еще нескольких современников Хлебникова, понимаешь, что благодаря этим, пусть несовершенным, публикациям Бурлюк спас хлебниковское наследие от исчезновения; кроме того, сам разбор рукописей Хлебникова был делом весьма и весьма непростым.

Вот что, например, пишет Лиля Брик: «Писал Хлебников непрерывно и написанное, говорят, запикивал в наволочку <...> или терял. Когда уезжал в другой город, наволочку оставлял, где попало. Бурлюк ходил за ним и подбирал, но много рукописей все-таки пропало. Корректуру за него всегда делал кто-нибудь, боялись дать ему в руки, – обязательно перепишет наново.

Читать свои вещи вслух ему было скучно. Он начинал и в середине стихотворения часто говорил: и так далее... Но очень бывал рад, когда его печатали, хотя ничего для этого не делал».

Одной из главных целей первого визита Бенедикта Лившица в Чернянку в декабре 1911 года как раз и было знакомство с рукописями Хлебникова. Вместе с Николаем Бурлюком он также пытался их разобрать.

Дадим ему слово:

«В первый же день моего пребывания у Бурлюков Николай принес мне в комнату папку бумаг с хлебниковскими рукописями. Это был беспорядочный ворох бумаг, схваченных как будто наспех.

На четвертушках, на полулистах, вырванных из бухгалтерской книги, порою просто на обрывках мельчайшим бисером разбегались во всех направлениях, перекрывая одна другую, записи самого разнообразного содержания. Столбцы каких-то слов вперемежку с датами исторических событий и математическими формулами, черновики писем, собственные имена, колонны цифр. В сплошном истечении начертаний с трудом улавливались элементы организованной речи.

Привести этот хаос в какое-либо подобие системы представлялось делом совершенно безнадежным. Приходилось вслепую погружаться в него и извлекать наудачу то одно, то другое. Николай, по-видимому, не первый раз рывшийся в папке, вызвался помогать мне.

Мы решили прежде всего выделить из общей массы то, что носило хотя бы в слабой степени форму законченных вещей.

Конечно, оба мы были плохими почерковедомы, да и самый текст, изобиловавший словоновшествами, чрезвычайно затруднял нашу задачу, но по чистой совести могу признаться, что мы приложили все усилия, чтобы не исказить ни одного хлебниковского слова, так как вполне сознавали всю тяжесть взятой на себя ответственности.

Покончив с этим, мы намеревались воспроизвести записи, носившие характер филологических опытов; к математическим же формулам и сопоставлениям исторических событий мы решили не прикасаться, так как смысл этих изысканий оставал-

ся нам непонятен. К сожалению, наша работа оборвалось еще в первой стадии: и у меня и у Николая было слишком мало времени, чтобы посвятить себя целиком разбору драгоценных черновиков. Ведь и то, что нам удалось извлечь из хлебниковского половодья, кружило голову, опрокидывало все обычные представления о природе слова».

Владимир Маяковский в статье на смерть Хлебникова писал:

«Хлебников – не поэт для потребителей. Его нельзя читать. Хлебников – поэт для производителя.

У Хлебникова нет поэм.

Законченность его напечатанных вещей – фикция. Видимость законченности чаще всего дело рук его друзей. Мы выбирали из вороха бросаемых им черновиков кажущиеся нам наиболее ценными и сдавали в печать. Нередко хвост одного наброска приклеивался к посторонней голове, вызывая веселое недоумение Хлебникова. К корректуре его нельзя было подпускать, – он перечеркивал все, целиком, давая совершенно новый текст.

Принося вещь для печати, Хлебников обыкновенно прибавлял: «Если что не так – переделайте». Читая, он обрывал иногда на полуслове и просто указывал: «Ну и так далее».

В этом «и т. д.» весь Хлебников: он ставил поэтическую задачу, давал способ ее разрешения, а пользование решением для практических целей – это он предоставлял другим».

И вот еще:

«Меня поражала работа Хлебникова. Его пустая комната всегда была завалена тетрадями, листами и клочками, исписанными его мельчайшим почерком. Если случайность не подворачивала

Велимир Хлебников. Изборник.
Рисунок Владимира Маяковского

к этому времени издание какого-нибудь сборника и если кто-нибудь не вытягивал из вороха печатаемый листок – при поездках рукописями набивалась наволочка, на подушке спал путешествующий Хлебников, а потом терял подушку.

Ездил Хлебников очень часто. Ни причин, ни сроков его поездок нельзя было понять.

<...> Практически Хлебников – неорганизованнейший человек. Сам за всю свою жизнь он не напечатал ни строчки. Посмертное восхваление Хлебникова Городецким приписало поэту чуть не организаторский талант: создание футуризма, печатание «Пощечины общественному вкусу» и т. д. Это совершенно неверно. И «Садок судей» (1908 г.) с первыми стихами Хлебникова, и «Пощечина» организованы Давидом Бурлюком. Да и во все дальнейшее приходилось чуть не силком вовлекать Хлебникова».

Публикации Бурлюка являлись спасением для рукописей Велимира Хлебникова – в противном случае они почти наверняка были бы утеряны. Вот что пишет сам Бурлюк о дальнейшей судьбе рукописей Хлебникова, хранившихся в Чернянке:

«В 1912 году я уехал с родителями за границу; через 3 месяца, вернувшись, нашел в Чернянке Хлебникова в его комнате – но его рукописей в моем шкафу не оказалось.

– Витя, где манускрипты?

– Я... я... отправил их в Казань... Я собирался сам туда ехать.

Но вот, видишь, не поехал – денег нет.

– Где квитанция?

– Потерял... не могу отыскать ее...

И вот все рукописи поэта до лета 1912 года пропали, кроме тех, что я (Бурлюк) ранее успел переписать и издать. См. «Творения» Два тома (Херсон)».

И далее:

«Хлебников настолько был не приспособлен к жизни, ее практическим проблемам, что без заботы о нем со стороны Маруси моей, наших родителей (до 1913 г.) он попадал в условия нищеты, лишений. Хлебников жил в мире воображения фантазий вымыслов.

Примеры – в Москве утром у стенда лихорадочно смотрит новый выпуск журнала, газеты.

- Что ты ищешь там, Витя?
- Свое новое стихотворение.
- Ты посылал им рукопись?
- Нет! Я... я забыл... послать».

Еще один фрагмент воспоминаний Бурлюка о пропавших рукописях Хлебникова опубликован в 66-м номере «Color and Rhyme»:

«Рукописи Хлебникова – большие тетради в клеенчатых черных переплетах с красным обрезом. Там был роман из Петровской эпохи, масса первых (юношеских) черновиков. Сколько шедевров осталось там для пасти безвестия. Шедевров, что просмотрели

издатели, поклонники Ратгауза, Некрасова, Блока, Гиппиус и Бальмонтона, но не желавших поддержать мой революционный порыв создать базис для новой русской литературы...

Я собрал большое количество рукописей Хлебникова в Чернянке Таврической губернии. В 1912 уехал за границу, а Витю Хлебникова оставил на попечение нашей экономки. Вернувшись через два месяца назад, застал Витю дома, а рукописей... нет. Хлебников отослал их в плетеной корзине по железной дороге в Казань, думая туда уехать.

- Где квитанция?
- Потерял... И светлые глаза ребенка уставились на меня».

Ну и напоследок – фрагмент из книги Алексея Крученых «Наш выход» – как раз об открытом письме, которое Хлебников передал ему для опубликования:

«С рукописями В. Хлебникова всегда происходило что-то странное. Они, например, исчезали самым неожиданным и обидным образом. Когда печатался сборник «Рыкающий Парнас», то рукопись большой поэмы Хлебникова – два печатных листа – была утеряна в типографии, между тем у остальных авторов

Владимир Бурлюк. Портрет Велимира Хлебникова из сборника «Садок судей»

сборника не пропало ни строчки. Хлебников все же не растерялся: он засел за работу и в одну ночь восстановил всю поэму по памяти! Большинство же рукописей Велимир терял сам. Для борьбы с этой стихией утрат Бурлюк решил попросту припрятывать рукописи Хлебникова, чтобы потом, по мере надобности и часто уже в отсутствие автора, печатать их. Ясно, что это могло повести «к некоторым недоразумениям».

Одно из них вызвало даже следующее до сих пор не опубликованное письмо Хлебникова (1914 г.):

«Открытое письмо.

В сборниках: – «I том стихотворений В. Хлебникова», «Затычка» и «Журнал русских футуристов» Давид и Николай Бурлюки продолжают печатать подписанные моим именем вещи никуда не годные, и вдобавок тщательно перевирая их. Завладев путем хитрости старым бумажным хламом, предназначавшимся отнюдь не для печати – Бурлюки выдают его за творчество, моего разрешения не спрашивая. Почерк не дает права подписи. На тот случай, если издатели и впредь будут вольно обращаться с моей подписью, я напоминаю им о скамье подсудимых, – так как защиту моих прав я передал моему доверенному и на основании вышесказанного требую – первое: уничтожить страницу из сборника «Затычка», содержащую мое стихотворение «Бесконечность», Второе – не печатать ничего без моего разрешения – принадлежащего моему творческому я, тем самым налагаю запрещение на выход I-го тома моих стихотворений, как мною не разрешенного.

Виктор Владимирович Хлебников, 1914, февраль 1».

Овладение путем хитрости...

Вся хитрость заключалась в том, что я с Давидом Бурлюком, забравшись в комнату В. Хлебникова в его отсутствие, набили рукописями целую наволочку и унесли ее. Из этих рукописей получились лучшие книги Хлебникова: – «Творения т. I», «Пощечина общественному вкусу», «Дохлая луна», «Затычка» и др. Письмо-протест Хлебников передал мне для обнародования, но я этого не сделал. В настоящее время печатание этого письма, думаю, никому вреда не принесет, а для историка литературы оно чрезвычайно интересно.

Об одном жалею: что своевременно не было унесено большего количества рукописей Велимира, так как сам он постоянно терял их, и таким образом эти вещи пропадали для бюджетянства...

Пожалуй, в этом вопросе можно ставить точку. Бурлюк видел в Хлебникове гения, не приспособленного к жизни, большого ребенка, которого нужно по-отечески опекать, и чье творческое наследие нужно бережно хранить – и не только хранить, но и максимально распространять. Нужно учитывать также «торопливую всеядность» и «добродушное наплевательство» Бурлюка, о которых неоднократно упоминал Лившиц, его постоянное стремление быть на острие времени и даже впереди его, что требовало постоянно новых выступлений и публикаций. И все же можно уверенно сказать, что в бурлюковском стремлении к распространению хлебниковских произведений гораздо больше плюсов, нежели минусов.

«Нам нечего возразить Давиду Бурлюку, писавшему в предисловии к «Творениям» Хлебникова: «Гений Хлебников читал свои стихи <...> в Петербурге Кузмину, Городецкому, В. Иванову и др. – но никто из этих литераторов не шевельнул пальцем, чтобы отпечатать хотя бы одну строку – этих откровений слова», – пишет Рудольф Дуганов в статье «Велимир Хлебников. Природа творчества».

Добрая половина прижизненных изданий Хлебникова была опубликована при участии Давида Бурлюка; имена Бурлюка и Хлебникова встречаются рядом в сборниках «Студия импрессионистов», «Садок судей», «Пощечина общественному вкусу», «Садок судей II», «Требник троих», «Ряв!», «Дохлая луна». «Молоко кобылиц», «Рыкающий Парнас», «Первый журнал русских футуристов», «Стрелец», «Четыре птицы».

Первой книгой Хлебникова, увидевшей свет, стал диалог «Учитель и ученик. О словах, городах и народах» (1912), иллюстрированный рисунками Владимира Бурлюка. Издана она была за счет Давида Бурлюка; он одолжил Хлебникову 20 рублей. Вот фрагмент из воспоминаний Бурлюка («Color and Rhyme», номер 55):

«Хлебников работал над «ключом истории». Еще в 1911 году я дал Вите деньги, и он, живя в Херсоне, в нашей постоянной

Юрий Анненков. Портрет Велимира Хлебникова. 1916 г.

городской квартире самостоятельно (!) напечатал брошюру «Доски судьбы».

Надо отметить, что в «Пощечину» – в 1912 г. я поместил в конце книги из этой работы «астролога» Хлебникова (французского пророка Нострадамуса) – несколько строк. Еще своими вычислениями Витя предсказал гибель Российской царской империи в 1917 году. Этого никто никогда не заметил».

Давид Давидович не устал напоминать, что и Хлебников, и Маяковский сносно существовали благодаря его денежной поддержке. Он пишет об этом в 55-м номе-

ре журнала «Color and Rhyme» за 1964-65 годы – в комментарии к изданию в Польше в 1963 году переводов Хлебникова: «В Польше Яном Спиваком в 1963 году изданы переводы стихов великого поэта, нашего дорогого друга. Спасибо Я. Спиваку за его чудесный, честный труд. <...> В очерке, посвященном Хлебникову, дана яркая *правдивая* панорама лит. жизни в России в годы зарождения, формовки и расцвета футуризма. На стр. 6-й упоминается роль Марии Бурлюк в ее активном участии в деле поддержки развития талантов Хлебникова и Маяковского (очевидно, речь идет о выдаче денег, сухих носков и питании поэтов. – **Прим. автора**). На стр. 7-й Спивак говорит, что символисты забавлялись слушать Хлебникова, но никто из них не помог ему опубликовать его стихи!».

Забавно – в своем письме тамбовскому коллекционеру, своему «духовному сыну» Николаю Алексеевичу Никифорову Бурлюк опровергает ставшие уже классикой слова Маяковского из автобиографии «Я сам» о том, что Бурлюк ему

«выдавал ежедневно 50 копеек, чтобы писать не голодая». Вот что пишет Бурлюк: «Маяковский – его 50 коп. – совсем не так. Он писал честно, он писал в спешке, юно в 1920 г. (через 2 года, после разлуки с ним) и, конечно, лаконично... В жизни это было, давал никогда не меньше 1 руб. Ему один, и Хлебникову один. Когда после ужина у Марии Ник. в Романовке в 11 час. ночи они уходили домой, чтобы утром у него было на расход – папиросы, трам., завтрак» (письмо от 11 июня 1958 года. – **Прим. автора**).

Бурлюк пишет о том, что с его отъездом из России о Хлебникове некому стало позаботиться – первое время ему помогал Каменский, изредка Маяковский, затем Дмитрий Петровский, остальные же пользовались его славной и именем («Colog and Rhume», номер 55): «С отъездом Бурлюка из России – Хлебников был оставлен на голодную смерть».

Пожалуй, Бурлюк был прав в оценке своей роли в поддержке таланта Хлебникова и просто помощи ему в бытовых вопросах. Без него – и Маруси – жить Виктору Владимировичу действительно стало труднее.

Вот еще несколько фрагментов из воспоминаний Бурлюка об этом:

«В Москве 1911 г. осенью я живу в Офицерском переулке. <...> Весной – Романовка (1912 г.) – Marussia и я. В ее чудесных воспоминаниях «Романовка» – описана правдиво и трогательно, ее забота о Хлебникове и Маяковском.

<...> Весна 1913 г. С этого времени я регулярно начал зарабатывать деньги лекциями и продажей книг, которые издавал с 1912 г.; с заработков этих поддерживали и Хлебникова и Маяковского.

Летом 1912 года... Хлебников живет в Чернянке. В 1913 больной отец теряет службу в Чернянке и Хлебников уже не живет там.

В 1914 г. переезжаем в Михалево под Москвой. <...> Хлебников весь сентябрь 1914 года живет со мной и Марусей в Михалево, в нашем имении около станции Пушкино, где соседями были фабрикант Арманд (друг В.И. Ленина) и имение Горки... <...> Хлебников снова живет в Михалево, около Маруси в 1915 году в мае и июне».

В письме Н.А. Никифорову от 8 июля 1963 года Бурлюк также утверждал, что спас Хлебникова от военной службы: «Надо помнить, что война 1914 г., с ее валом раненых с фронта, сразу прикончила интерес к футуризму. Маяковский, Хлебников попали в солдаты, последнего я спас при помощи доктора Татаринова (гор. Уфа) и Кульбина, ген. (медика Главного Воен. штаба в Спб. Петрограде). Я был с семьей на Урале и лишь наездами бывал на Неве и на Москва-реке...»

Хлебников и сам через несколько месяцев после мобилизации (он был призван на военную службу весной 1916 года и попал в 93-й запасной пехотный полк, находившийся в Царицыне) написал Николаю Ивановичу Кульбину письмо с просьбой о помощи. С помощью назначенных Кульбиным психиатрических комиссий Хлебников получил несколько отсрочек, а затем и пятимесячный отпуск, после которого в армию не возвратился.

Опять же рискну утверждать, что уверенность Хлебникова в собственной гениальности и исключительности возникла во многом благодаря Бурлюку. Вот что пишет об этом Бенедикт Лившиц:

«Сейчас я свободно пишу «гений», теперь это почти технический термин, но в те годы мы были осторожнее в выборе выражений – во всяком случае, в наших публичных высказываниях. Насчет гениальности Хлебникова в нашей группе разногласий не было, но только один Давид склонял это слово по всем падежам.

Меня еще тогда занимал вопрос: как относится сам Хлебников к прижизненному культу, которым его, точно паутиной, оплетал Бурлюк? Не в тягость ли ему вынужденное пребывание на постаменте, не задыхается ли он в клубах фимиама, вполне, впрочем, чистосердечно воскуриваемого у его подножья неугомонным «отцом российского футуризма»?»

«Хлебников был выше своей эпохи, перерастает ее», – словно подтверждает его слова много лет спустя Бурлюк.

«Я пишу сидя на берегу «Пелгам» – залива, около Нью-Йорка. Золотое солнце склонилось к закату и бросило свой искрящийся хвост на воды, где шевелятся неуловимые волны.

Таким солнцем в нашей жизни явился Хлебников.

Он отразился в своей эпохе, озаряя ее ярким светом своего гения.

Давид Бурлюк – первый издатель и покровитель футуризма».

Первый издатель и покровитель футуризма так высоко ценил хлебниковский гений, что в ноябре 1913 года даже прочел в Тенишевском училище в Петербурге и в Политехническом музее в Москве лекции «Пушкин и Хлебников», в которых называл Пушкина «мозолью русской литературы» и призывал забыть его, так как он «тормозит развитие общественной души», и преклониться перед новыми поэтами, называя Хлебникова «новым богом и новым кумиром».

Спустя шестнадцать лет, уже уехав в Америку, Бурлюк не перестает писать о Хлебникове. В 1929 году он пересылает фрагменты из своих воспоминаний советскому литературоведу Арсению Георгиевичу Островскому в надежде на то, что ему удастся их опубликовать. Случилось это только в 1994 году – в книге «Фрагменты из воспоминаний футуриста». Вот что пишет Бурлюк о Хлебникове: «Виктор Владимирович будет исследован до конца. О нем только начинают писать, а далее будут писать ниагарно. Я о Хлебникове написал паром дыхания своего в воздухе, на барабанных перепонках десятков тысяч слушателей на лекциях своих, в 22 городах России целые устные томы. Я проповедовал В.В. Хлебникова. Первым напечатал его в книгах».

Свои воспоминания о Хлебникове оставила и Мария Никифорова, Маруся Бурлюк. Часть из них опубликована в 66-м номере журнала «Color and Rhyme». Приведу их полностью, поскольку в них немало интересных деталей и характеристик «Председателя земного шара».

Владимир Маяковский. Портрет Велимира Хлебникова. 1916 г.

В дневнике за 27 ноября 1936 года Маруся записывает о Хлебникове: «В 1910 год ранней весной Хлебников живет в Чернянке, болеет расстройством желудка, ходит босой, семейство Бурлюков находилось в это время в Херсоне. Николай сдавал выпускные экзамены гимназии, а о Хлебникове заботилась экономка.

Хлебников (для малых умов) казался скромным и как бы живущим в уединении. На лекциях держался с гордо поднятой головой и то, о чем говорил, было им продумано и рассказано с точным указанием дат.

Но Хлебников обладал исключительно тонким голосом, а слушатели «нового» были крепкие «хлебные» ребята и к искусству не имевшие ни терпения, ни любви, и доклады Хлебникова вызывали у них сытый довольный хохот и стук башмаков. Тогда и сказал свою великую фразу Маяковский: «Только мертвыми гениями восхищаются мещане»!..

И чтобы утишить начинающийся скандал, с председательского места вставал Бурлюк и шел спиной к шумящей толпе, а лицом к Хлебникову, который был в недоумении от маломыслия слушателей и почти шептал слова, нервно сминая бумажку, на которой во все стороны мчались буквы и фразы им надуманных и прочувствованных идей.

Бурлюк брал эту бумажку из рук обиженного, подобно дитяти, поэта-гения, и ясным громким голосом читал написанное, а Хлебников опять уже забывал не нужную ему толпу и внимательно слушал, записывая новые выводы на клочке бумажки, достав ее из глубокого кармана старого сюртука.

Карандаши, если обламывались, Хлебников их обкусывал и для черноты слюнил их, из больших превращались в крохотные.

Хлебников матерьяльно жил тяжело, и это было заметно по его бледному лицу, помятому, с отцовского плеча сюртуку, по узким штанам (которые не были в моде), по отсутствию чистого белья, носовых платков, по его зябкости, по его медленно жующему рту (где мало было крепких зубов).

Когда приходил к нам в Москве в «Романовку» Хлебников, я не спрашивала, а подавала ему какую-либо пищу.

– Ты его, Мусинька, корми и не забывай дать сухие носки, – говорил, уходя на «рисование» Бурлюк. Я знала его братское отношение к Хлебникову.

Хлебников был молчалив... я не говорила с ним... мне надо было изучать Шопена за 3-4 часа свободного времени от общества.

Хлебников чуть покашливал и медленно курил папиросу за папиросой, первую зажегши о свечу роаяля.

Хлебникову старались во всем практическом помогать.

Приходя к нам, он не спрашивал, «дома ли Бурлюк». Хлебников был членом нашего семейства и оставался с нами до поздней ночи.

Его суждения об искусстве и философии слушались внимательно, и он для нас был гений – центр нового движения».

Отношения Хлебникова и Бурлюка сложно назвать равными; в них было все – от восхищения до ссор. Но восхищения и благодарности было гораздо больше. Хлебников предлагал «Украсить Анды... головой Бурлюка» – и протестовал против издания Бурлюком второго тома своих сочинений. Называл Бурлюка «неукротимым отрицателем», но... Бурлюк сомневался в искренности его оценок. «Витя высоко ставил мое творчество всяческое, но надо указать, что кроме себя и своих великих словесных видений он ничего не замечал. От великого Виктора Хлебникова никто из его друзей ничего и не требовал, ибо он и о себе позаботиться ни на йоту не мог!..» – писал Бурлюк.

Однако – удивительное дело, – летом 1920 года, спустя пять лет после Михалева, когда Бурлюк давно уже жил во Владивостоке и собирался в Японию, живший тогда в Харькове Хлебников пишет: «Существуют ли правила дружбы? Я, Маяковский, Каменский, Бурлюк, может быть, не были друзьями в нежном смысле. Но судьба сплела из этих имен один веник».

К сожалению, до нас не дошло ни одного портрета Давида Бурлюка, сделанного Велимиром Хлебниковым. Вполне возможно, что они были. Вполне возможно, они были утрачены вместе с семейным архивом Бурлюков, находившимся на их подмосковной даче в Кунцево. Возможно, произошло чудо, и часть этого архива сохранилась. Возможно, когда-нибудь мы увидим эти рукописи, которые лежат нынче в пыльных папках на старом чердаке или в подвале, и рядом нет никого, кто мог бы распознать это сокровище...

Живописного или графического портрета Бурлюка работы Хлебникова до нас не дошло. Зато дошел портрет поэтический.

Осенью 1921-го, когда до смерти поэта осталось меньше года, из-под пера Хлебникова выходит вдруг стихотворение «Бурлюк»:

С широкою кистью в руке ты бегал рысью
И кумачовой рубахой
Улицы Мюнхена долго смущал,
Краснощеки пугая лицом.
Краски учитель
Прозвал тебя
«Буйной кобылой
С черноземов России».
Ты хохотал,
И твой трясся живот от радости буйной
Черноземов могучих России.
Могучим «хо-хо-хо!»
<...>

Ты, жирный великан, твой хохот прозвучал по всей России,
И стебель днепровского устья, им ты зажат был в кулаке,
Борец за право народа в искусстве титанов,
Душе России дал морские берега.
Странная ломка миров живописных
Была предтечею свободы, освобождением от цепей.
Так ты шагало, искусство,
К песни молчания великой.
И ты шагал шагами силача...

Хлебников писал о Бурлюке, Бурлюк многократно писал о Хлебникове... Писал и мечтал о том, чтобы его «писания увидели свет»: «Я верю, что мои писания, как говорят, увидят свет. Ибо среди моря коммерческой литературы я вывожу строки с настойчивостью сcribe древнего Египта... <...> ...недаром я был дружен, был первым поклонником, издателем Велимира Хлебникова; на мне горят и будут гореть лучи славы его, и Маяковского, и Каменского – трех бардов, скакунов поэзии Парнаса российского», – написал Давид Бурлюк в воспоминаниях «Наша первая зима в Питере».

Пора пришла. Писания Давида Бурлюка о Хлебникове увидели свет.